

Серебряные нити

Николай Антонов

Николай Анатольевич Антонец

Серебряные нити

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27443765

SelfPub; 2017

Аннотация

В годовщину смерти возлюбленной одинокий писатель вынужден столкнуться с воплощением кошмаров из забытого прошлого и вновь перечитать страницы своего рокового труда, книги "Серебряные нити". Обнаружится ли в проклятом тексте ответ на терзающие героя вопросы? И где пролегает граница между вымыслом распалённой фантазии и жестокой реальностью? Это читателю предстоит узнать самому.

Серебряные Нити.

Мрачные небеса, казалось, почти приникли к земле, и тут же прорвались, протекли потоками серого ливня. Тяжёлые капли разбивались об одинаковые надгробья, словно бы выталкивая их за пределы моего крохотного мира – настойчиво, но безрезультатно.

Запоздало открыв старенький зонт, я неохотно развернулся на месте и безвольно побрёл по выложенной сероватым камнем дорожке. На кладбище было пустынно и тихо, а с приходом дождя моё одиночество вдруг стало особенно броским, давящим даже.

Борясь со стиснувшей сердце ноющей болью, я обернулся через плечо и невольно замер – там, у надгробия Акане, стояла подобная мне, столь же одинокая чёрная фигура. Я не мог разглядеть большего, но у Акане было много друзей, и не было ничего удивительного в том, что кто-то решил навестить её даже в столь ненастный день... Тем более что сегодня была годовщина её... ухода...

Снова посмотрев перед собой, я решился вернуться и предложить неведомому товарищу зонт, но у могилы, украшенной прекрасными цветами, уже никого не было. Оглядевшись, я убедился, что поблизости действительно не оказалось знакомых лиц – да и вообще никого – и только после этого, списав мгновенную иллюзию на игры раздраженного

тяжёлым днём сознания, всё же нашёл в себе силы покинуть утопающее в объятиях ливня кладбище.

Пасмурная погода держалась уже несколько дней, и неширокие улицы Токио вдруг потеряли свою обычную оживлённость. Многие, очень многие прятались от промозглых дождей за стенами уютных домов, и лишь самые отчаянные, вроде меня, отваживались появляться под равнодушными и холодными небесами, низвергающими шумящие потоки воды.

Давно изведанная и принятая мною тишина смотрела из каждой подворотни, из каждой неровной тени, отбрасываемой исполинскими зданиями и одинаковыми рекламными вывесками. Эта тишина пробивалась даже сквозь шипение дождя, пронзала насквозь, не оставляла надежды на прозрачное успокоение.

Мой дом находился достаточно далеко, но я всегда добирался от него до кладбища и обратно пешком. Это было своеобразным ритуалом, ритуалом памяти Акане, оставившей меня за неделю до нашей свадьбы.

Я замер на месте, неожиданно для себя ощутив гнетущую пустоту в центре груди, и в странной печали склонил голову, опустил потяжелевший вдруг зонт. Щупальца дождя хлестнули меня по плечам и лицу, но я не замечал их – всё моё внимание было приковано к странной девушке в необычном чёрном кимоно, глядящей на меня из полумрака подворотни. Я бросил на неё всего один робкий взгляд, но и от это-

го взгляда всё моё естество подёрнулось незнакомым ранее холодом.

Снова смерив взглядом бесконечную улицу, я двинулся с места почти автоматически, не без труда подняв над головой рвущийся из рук зонт.

Оставшееся до дома расстояние я проделал в состоянии странной апатии, не замечая ничего вокруг себя, и слишком поздно понял, что нахожусь уже у порога добротного двухэтажного здания, которое мы с Акане приобрели за месяц до того, как решились на женитьбу. Слева и справа простирались неухоженные газоны, а под дверью лежала промокшая насквозь утренняя газета – всё здесь было неизменным, с того самого дня, как...

Я неторопливо достал из кармана связку ключей и, подняв тяжёлый взгляд, отпер входную дверь; почти против воли посмотрел в окна второго этажа – и обмер. Там, за плотно сомкнутыми занавесками, я отчётливо различил размытое и почти неразличимое движение.

В доме кто-то был!

Не теряя времени, я вбежал в небольшую прихожую, парой движений снял ботинки, попутно взглянув влево, быстро осмотрел коридор. Дверь в ванную была распахнута. И кладовка просматривалась просто отлично. Закрыта была только широкая двустворчатая дверь гостиной – небольшой залы, в которой стоял поминальный алтарь Акане. Дальше коридор сворачивал влево, но что-то подсказывало мне, что

заглядывать туда просто не имело смысла. Поэтому я без лишних мыслей прошёл тем путём, что был прямо передо мной, и осторожно вошёл в главный зал. Первым бросился в глаза широкоэкранный телевизор – точнее, размытое изображение, размазанное по его безразличной ко всему чёрной пластине. Как в зеркале в нём отражался нависающий над залом коридор второго этажа, и там, за невысокими перилами, можно было различить едва заметную тень.

Запоздало вспомнив, что незванный гость может видеть меня с той же лёгкостью, я скользнул на небольшую кухню, отделённую от зала перегородкой, доходящей мне до низа груди, и поискал взглядом трубку переносного телефона. Нужно было вызвать полицию и задержать неведомого посетителя до приезда властей, но... Проклятая трубка лежала на телевизоре, слишком далеко, чтобы можно было прокрасться незамеченным.

Осторожно покинув кухню и тесно прижавшись к перегородке, я миновал залу, приблизился к неширокой лестнице, ведущей на второй этаж. Отсюда уже можно было различить коридоры второго этажа, и я, мягко обогнув перила, медленно поднялся по знакомым и давно уже привычным ступеням. На втором этаже никого не было; Т-образный коридор, широким своим концом нависающий прямо над закутком кухни, был пуст и даже немного уныл. Дверь в мою комнату, смотрящая на залу, была заперта, дверь в комнату моего младшего брата не открывалась уже несколько

месяцев. Оставалась только одна комната, где мог спрятаться незнакомец... Комната Акане, та самая, в окне которой я увидел движение ещё на улице.

Я несмело вошёл в прямой коридор, заканчивающийся плотно прикрытой дверью, и замер – сделанная на европейский манер дверь была заперта, а ручка её давно покрылась слоем пыли. В комнату Акане никто не заходил с тех пор, как она поселилась там – и почти сразу же после этого исчезла из моей жизни.

Переборов суеверный страх, я достал связку ключей и дрожащей рукой отпер замок двери, дёрнул ручку вправо – и вошёл в наполненное странно-свободным воздухом помещение.

Комната Акане была ухоженной и чистой; сложно было представить, что здесь некогда жила весёлая и взбалмошная журналистка. И, хотя на строгом рабочем столе сейчас царил идеальный порядок, я помнил то время, когда различные заметки и книги были разбросаны повсюду, и мне порой приходилось доставать их даже из-под кровати. На подвесных полках, занимающих, на мой взгляд, слишком много места, в ряд были выставлены забавные и милые плюшевые игрушки, чередующиеся с фотографиями известных актёров и политических лиц, у которых Акане когда-либо брала интервью. У дальней стены возвышалась стопка небольших бумажных пакетов, в каждом из которых находились отсортированные и пухлые от закладок книги по массажу, готовке, религии,

философии и социологии. Единственный шкаф, предусмотрительно спрятанный архитекторами в стену, был забит вместительными картонными коробками, поверх которых лежали давно уже не использовавшиеся вешалки.

В комнате было пусто.

Не зная, что именно думать обо всём произошедшем, я подошёл к широкому – почти во всю стену – окну и мрачно посмотрел на улицу; проводил взглядом несколько тяжёлых капель, скатившихся по холодному стеклу.

Наверное, я просто был не в себе. Наверное, потеря Акане и годовщина её ухода до сих пор значили для меня слишком много, но... Я ничего не мог с собой поделаться, даже если это и могло довести меня до сумасшествия.

До сих пор сложно было поверить, что эта жизнерадостная, милая девушка могла просто раствориться в воздухе, исчезнуть... Исчезнуть вместе со всеми, кто попал в ту авткатастрофу. Исчезнуть навсегда.

Проклятье, как же легко было обманывать себя даже сейчас...

Я в бессильной злобе упёр ладони в стекло, наблюдая за тем, как вокруг пальцев образовался раздражающий белесый налёт, и развернулся на каблуках, бросил взгляд в сторону невысокой кровати – та была идеально убрана и накрыта широкой разноцветной простынёй. Без единой складочки или кривизны... На миг мне показалось, что сидящая на подвижном офисном стуле Акане сейчас поднимет удив-

лённый взгляд и спросит, почему я такой мрачный сегодня, но... Акане не было со мной. Её кровать была пустой, а стул одиноко стоял в стороне, уже давно потерявший её тепло и обычную ухоженность.

Не знаю, что именно заставило меня находиться в этой комнате так долго, но больше я не мог бороться со своим страхом и своей болью – подался к двери, вышел в коридор и с холодной уверенностью запер за собой замок. Только после этого я смог ощутить лёгкое успокоение, как будто бы невидимые цепи отпустили мои руки и ноги, как будто бы застилавший голову туман вдруг начал отступать...

Вспомнив о промокшей насквозь одежде и оставленном в прихожей зонте, я сделал несколько шагов по коридору, когда услышал странный щелчок позади себя. Щелчок – и тихое посвистывание стареньких дверных петель. А потом прямо за моей спиной послышался робкий вздох...

Я резко обернулся, но встретил лишь голые стены коридора, сплошной прямоугольник двери и пыльную ручку, в которой торчал забытый мною ключ. Потянув его на себя, я неосторожно уронил всю связку, неохотно нагнулся за ней, проклиная расшатанные одиночеством и мрачным днём нервы. Взгляд мой упал на щель под дверью совершенно случайно, но одного этого взгляда было достаточно, чтобы привести меня в ужас. Там, в полосе приглушённого света, можно было с трудом разглядеть две небольших тени, как будто бы от небольших ступней того, кто прижимался к двери с дру-

гой стороны.

Почти не сомневаясь в том, что сейчас произойдёт, я резко оттолкнул дверь от себя и ввалился в пустую комнату. Тянувшее, тошнотворное ощущение того, что вокруг меня распускала крылья очередная иллюзия, нарушалось простым и естественным фактом. Дверь была открыта, но я точно запер её какую-то минуту назад! Вставил ключ в замочную скважину, провернул два раза влево...

Я, тяжело сглотнув, притворил за собой дверь и торопливо прошёлся по вдруг ставшему невероятно длинным коридору, дрожащими руками зажёг развешенные вдоль стен бра. Мягкий оранжевый свет если не бодрил, то хотя бы отгонял придуманные мною же галлюцинации, и, поддерживаемый им, я спустился на первый этаж и зажёг все лампы, какие только были в доме. Щёлкнул несколько кнопок на пульте от телевизора, но чёрный блестящий ящик остался безмолвным и мёртвым. Оставив его, я прошёл в ванную и сбросил с себя мокрую одежду, быстро переоделся в свободную белую рубашку и протёртые в коленях домашние джинсы.

Этот коридор, коридор первого этажа, обычно тёмный и странно унылый, не нравился мне никогда, а сейчас каждый шаг по нему казался мне настоящей пыткой. Виной тому был церемониальный зал, или зал для приёма гостей, традиционный для подобных японских домов, у дальней стены которого располагался небольшой алтарь из чёрного дерева, окружённый несколькими ароматическими палочками. Обычно

алтарь заставлял меня обходить церемониальный зал стороной, но в этот день к нему влекла какая-то поистине непреодолимая сила, влекла через страх и благоговейное уважение к ушедшим.

Я отодвинул влево тонкую створку двери, невольно насладившись приятным шелестом дерева о дерево, и шагнул в небольшой равнобедренный зал, в центре которого в небольшом углублении стоял добротный чёрный стол. Вокруг стола располагались удобные вытянутые подушки, но ими, насколько я помнил, никто не пользовался ещё ни разу – я предпочитал есть на крохотной кухне, а Акане просто не успела пригласить в этот дом своих родителей, чтобы разделить трапезу с ними.

Странно, но зал вдруг показался мне слишком пустым, слишком огромным для своей бесполезности. Единственным, что имело в нём ценность, оставалась фотография Акане в тёмной рамке, верхние углы которой были крепко обняты чёрными шёлковыми лентами.

Вспомнив о фотографии, я посмотрел на небольшой ритуальный алтарь. Акане всегда смотрела на меня оттуда. Смотрела не так, как при жизни, без огонька в глазах, без широкой улыбки на красивых губах. Я замечал это всякий раз, когда оказывался в этом помещении, и всегда вспоминал об Акане яркой, Акане радостной, но... Раз за разом воспоминания эти всё сильнее бередили старые душевные раны. Как будто бы боль моя со временем не притуплялась, а лишь крепчала.

Я покинул зал с ощущением шокирующего одиночества – пустоты, залёгшей под сердцем – и почти по чистому наитию добрался до обыкновенно тёмной кухни, наугад бросил что-то в микроволновую печь и пробежался пальцами по нужным кнопкам.

В холодильнике было пусто; вот уже несколько месяцев я питался только едой быстрого приготовления, совершенно позабыв о том, что существовала также возможность сходить за настоящими продуктами и приготовить что-нибудь собственноручно. Обычно вся готовка ложилась на плечи Акане, а когда её не стало – на моего младшего брата. Не так давно он переселился в общежитие при институте, а для меня оказалось уже слишком поздно учиться готовить...

Проверив содержимое пластикового пакета с молоком, я отпил немного, но ледяное молоко отдалось в голове и горле тупой, раскатистой болью, и я с отвращением вернул пакет в холодильник.

Призывно запищала микроволновая печь. Я уже готов был открыть её и достать аппетитно пахнущий ужин, когда заметил краем глаза какое-то движение в зале.

День, наполненный каким-то нереальным бредом, заставил меня отнестись к новой галлюцинации с изрядной долей скепсиса – и с каким-то неожиданным для самого себя удовольствием я убедился, что в зале кроме меня действительно никого не было.

Наверное, годовщина гибели Акане действительно своди-

ла меня с ума...

Пожинав, я взял небольшую книгу с журнального столика, стоящего перед диваном в центре залы, поднялся на второй этаж и в последний раз обернулся к красивым резным перилам. Не знаю, зачем. Просто глянул искоса через плечо: посмотрел вниз, в огромное окно первого этажа, смерил взглядом всю свою безразмерную залу и нависающую над ней простую люстру. Наверное, я просто хотел снова почувствовать себя настоящим хозяином этого унылого домика... вот так вот незамысловато. Так просто. Будто бы одно только это могло вернуть мне спокойствие...

Где-то там, за стенами дома, сверкнула первая за этот поздний вечер молния, отдалась в воздухе оглушительным раскатом грома.

Случайно я задержал взгляд на залитом дождевой водой окне, попытался всмотреться в глубокий уличный мрак – и отпрянул к двери своей комнаты. Из-за расплывшегося множеством небольших разводов стекла на меня смотрела та самая девушка, которую я уже не раз видел сегодня, мрачная и просто пугающая. Сейчас она находилась снаружи, во мраке, и это изводило меня больше всего: из прекрасно освещённого дома я мог видеть только её силуэт, тогда как я для неё был как на ладони...

Книга выскользнула из моих пальцев и глухо хлопнула об пол.

Поддавшись мгновенному уколу паники, я нелепо крутнулся через плечо и, с трудом удержав равновесие, рванул на себя дверь собственной комнаты – безрезультатно. Выругавшись, вспомнил о ключах и после нескольких неудачных попыток отпер сложный замок, торопливо проскользнул в тёмное помещение.

Эта странная девушка преследовала меня всюду, она как будто бы выслеживала меня, возможно – чтобы убить в порыве неразделённой любви, как поступают некоторые сумасшедшие сталкеры... Я не мог сказать, что именно заставляло меня думать в этом направлении, но, честное слово, иные домыслы возбуждённого мозга казались куда более невероятными.

Не обнаружив под трясущейся ладонью переключатель света, я интуитивно прошёлся по затенённой комнате и схватил с попавшейся под руку полки сувенирную катану в изукрашенных декоративных ножнах. Это был подарок младшего брата, Юки, на мой двадцатый день рождения – пусть только дешёвый сувенир, но преподнесённый с искренним почтением и обожанием... Сейчас это импровизированное оружие, казалось, могло защитить меня от всего на свете. От всего, кроме моего собственного страха.

Я думал, что смогу отдышаться, но осторожный стук в дверь заставил меня отскочить к озарённому вспышками молний окну, прижаться к нему спиной и выставить перед собой тускло поблёскивающее лезвие катаны. Здесь, у окна,

хотя бы не было этого гнетущего мрака – доносящийся с улицы мертвенный свет фонарей разгонял сгущающуюся в углах комнаты темноту. Для моего сознания этот свет уравнивал всё – белое и чёрное, добро и зло... В нём не могло существовать ничего больше, кроме него самого – мертвенного, печального и одинокого.

Снова полыхнула молния, разорвав моё мгновенное заблуждение, и тут же я понял, что от окна в комнату упали две удлинившихся и гротескно изломанных тени... Две. Моя и...

Издав приглушённый вскрик, я окончательно потерял почву под ногами и бросился прочь от тускло освещённого стекла, снова пересёк комнату, разбросав всё, что встретилось по пути. Дверь поддавалась слишком легко, но, я знал, в коридоре не было никого, как и на первом этаже.

Я, перепрыгивая через несколько ступеней, сбежал с проклятой лестницы и юркнул в небольшую каморку под ней, резко задёрнул за собой тяжёлую штору. Со всех сторон мгновенно набросилась голодная полутьма, но она не могла испугать меня – не больше, чем я уже был напуган.

Казалось, удары моего сердца разносились по всему дому, сотрясали его до основания и растворялись в нём... И больше всего я боялся, что этот грохот, разрывающий мою грудь, оповестит всех вокруг о том месте, где я решил спрятаться... Я боялся, что тяжёлая занавеска неторопливо скользнёт в сторону, а за ней...

Ступени лестницы, что распростёрлась надо мной, немелодично заскрипели, словно уступая чьему-то весу. Кто-то спускался на первый этаж, кто-то был уже совсем близко...

Откинувшись на спину, я прижал катану к груди и попытался успокоиться, несколько раз глубоко вдохнул – и тут же опьянел от заползшей в голову слабости. Ещё минуту назад мне казалось, что после этого дня я вообще вряд ли когда-нибудь смогу заснуть, но сон подкрался ко мне незаметно и быстро, быстрее даже, чем я успел это осознать.

Когда я, проснувшись, открыл глаза, в примыкающей к кладовке зале уже было светло. Откуда-то из-за ширмы слышался шелест дождя, тихий и чуть нежный... Именно это окончательно вернуло меня к реальности, втолкнуло в обыкновенное серое утро, бесцветное, полное пьянящей пустоты, как бывало последние несколько дней.

Я с трудом поднялся в сидячее положение и, опираясь на стенку каморки, медленно огляделся. Окружившие меня вещи – различные коробки и ящики, оставшиеся после переезда, какие-то непонятные ковры – были покрыты слоем устоявшейся пыли, а прямо над моей головой раскинулась ловчая сеть небольшого домашнего паука. Как в каком-то плохоньком склепе...

Отчего-то события минувшего вечера отчаянно не желали возвращаться в голову, и я, решив, что просто переутомился, подобно последнему пьянице выполз из-за ширмы в зал.

Всё моё тело ныло, а затёкшие руки и ноги порой просто отказывались слушаться – сказывалась проведённая в неудобном положении ночь...

И, как будто бы дожидавшись только меня, подала звуковой сигнал переносная телефонная трубка. Подойдя к телевизору, я подхватил её и небрежно ткнул кнопку приёма входящего вызова.

– Доброе утро, – незамедлительно поздоровался мой редактор, Амакура Рю.

– Утро, – отозвался я, проходя на кухню.

– Саюки, у тебя что-то с голосом...

– Знаю. Просто вчера...

– Да, я соболезную твоей потере. Извини, что спросил.

Он даже не дал договорить. Отчеркнул. Поставил точку, как обычно.

– Ничего, – с тенью недовольства отозвался я. – Но разве я не говорил, что сдам рукописи во вторник?

– Я звоню не поэтому.

– Вот как, – я открыл холодильник, после чего тупо посмотрел на открытый пакет молока, вспомнил пронизывающий до костей ледяной удар – и невольно отступил. Кто знает, сколько этот пакет вообще стоял вот так вот, окончательно замерзая и ожидая только, чтобы я из него отпил...

– Просто хочу узнать, как у тебя дела, – Рю оторвал меня от бессмысленных размышлений, как всегда тактично и кратко.

– Спасибо, нормально.

– Тебе тяжело, но...

– Слушай, – я толкнул дверцу холодильника и вышел с кухни, побрёл на второй этаж. Скрип ступеней отчего-то навёл на меня странную тоску, но я не мог сказать – отчего именно. – Со мной всё в порядке. Я могу жить без неё, сколько ещё раз мне нужно это повторить?..

– Хорошо, извини. Да, я совсем забыл: твоя пресс-конференция назначена на следующую субботу...

– Ты перенёс её? – я заглянул в коридор второго этажа, проверив взглядом дверь в комнату Акане.

– Да, в пятницу, думаю, тебе лучше будет встретиться с госпожой Мисато...

– Мне не нужен психотерапевт! – несдержанно огрызнулся я. Медовый голос Рю уже начинал раздражать, как и необыкновенная текучесть его речи. – У меня нет проблем с психикой, понимаешь?!

Сдерживая дыхание, я подошёл к окну в своей комнате и выглянул на улицу, рассеянно окинул взглядом небольшой соседский дворик. На мгновение мне показалось, что за струями дождя появилось какое-то движение, и сознание моё тут же вспыхнуло целым каскадом картин вчерашнего вечера.

– Подожди, – я прервал говорившего что-то Рю, чувствуя, как бисеринки пота собираются у моей переносицы. – Пожалуй, мне действительно лучше встретиться с... госпожой

Мисато.

– Я знал, – он вкрадчиво усмехнулся.

– Нет, ты не понимаешь... Мне кажется, что кто-то преследует меня.

– У тебя вчера был тяжёлый день...

– Я не про то!

– Ты просто переволновался. Я уверен, Акане...

– Акане тут не при чём!

– Хорошо, хорошо. Просто не садись сегодня за работу, ладно?

Я бросил короткий взгляд на небольшой ноутбук, в котором содержались черновики всех моих рукописей и наброски будущих рассказов. Работать не хотелось, и виной тому был не столько пережитый кошмар, сколько давящая моральная усталость – однообразие серых дней словно бы иссушило меня, вытянуло что-то необходимое и крайне важное.

– Спасибо, Рю, – я тяжело вздохнул.

– Удачного дня.

– Увидимся...

Я оборвал связь и бросил трубку на кровать; усиленно потёр низ бровей, так, как если бы это могло помочь мне справиться с мыслями.

Что-то действительно странное происходило со мной вчера, что-то, что не так просто было назвать всего лишь игрой воображения. Хотя, возможно, я и придумал добрую половину всех этих ужасов – посеял их зёрна в своём созна-

нии, позволив фантазии писателя воплотить их в иллюзорную жизнь.

Наверное, я просто медленно сходил с ума...

Я снова выглянул из окна, вспомнил ту, вторую тень, что привиделась мне при вспышке необузданной молнии. Владелец этой тени должен был находиться на одном со мной уровне, в шаге позади и левее меня – за прочным оконным стеклом, на высоте нескольких метров от земли. Если, конечно, он не спускался на верёвке...

Я вздрогнул. Вздрогнул резко и нервно, чуть не рухнув при этом на колени.

Акане не погибла в автомобильной аварии, как я привык говорить своим близким и её друзьям. На самом деле она... Она просто повесилась на чердаке... Что-то или кто-то заставило её... Я не знал большего, но... моя Акане никогда не оставила бы меня – никогда!

Борясь с трясущимися коленями, я вышел из комнаты и навалился на перила, оградившие меня от падения на накрытый безрадостным полумраком пол первого этажа.

Наверное, этот день ничем не отличался от предыдущего... Был таким же тёмным, сырым и промозглым. И... И мне просто нужно было прожить его, как я проживал день за днём до этого, неделю за неделей, месяц за месяцем.

За окном первого этажа царил сероватый туман неторопливого, тихого утреннего дождя. Дождь был повсюду, но в то же время казался недостижимым, невероятно удалённым

и чужим. Он прятал в себе одинокие силуэты и незнакомые контуры, изменял их, превращал во что-то новое, во что-что, что порой не с чем было даже сравнить.

Я знал, что именно увижу там, на улице, в небольшом парке, разделяющем мой дом с домом сварливой пожилой соседки. Я знал и ждал, когда появится та самая девушка, образ которой, размытый и непонятный, пугал меня, но в то же время рождал забытый уже интерес...

И она была там, она ждала снаружи, смотрела мне точно в глаза, хотя я не мог разобрать даже общих черт её лица. Её взгляд был устремлён на меня из того самого парка, я чувствовал его собственной кожей... Во всяком случае, так мне казалось – неясное ощущение как будто бы собиралось на кончиках волос крохотными электрическими разрядами, покалывая кожу сотнями невидимых иголок.

Прошла долгая, мучительная минута тишины, после чего я всё же различил её за водопадами дождевых стен, различил тонкую фигурку, кажется, поглощённую сохранившимся ночным мраком...

Да, я, наверное, мог говорить об этом спокойно, но на самом деле страх сковывал меня прочней любых оков – страх перед неизвестностью, страх перед самим собой... И ещё какой-то страх, холодный и липкий, сущность которого я просто не мог разобрать за эти несколько мгновений, которые ушли у меня на спуск с лестницы и яростную пробежку к прихожей.

Повторив вслух несколько бессмысленных ругательств, я быстро надел так и не просохшие за ночь туфли и выбежал под дождь. Оставить открытой входную дверь, не взять с собой зонтик, почти вслепую рвануться на первое же предчувствие – страх заставлял меня совершать отчаянные глупости, но...

Но, наверное, таковы все мы, люди.

Поскальзываясь и только чудом сохраняя равновесие, я добежал до угла своего дома, резко свернул налево – и почти сразу же натолкнулся на кого-то, кого по минутной глупости посчитал той самой нарушительницей моего спокойствия. Обхватив за плечи, я не дал ей упасть, равно, как и пресёк все её пути для бегства.

Сначала девушка закричала, но, наглотавшись дождевой воды, просто оттолкнулась от моей груди и со всего размаха ударила меня по лицу увесистой сумочкой. Выиграв этим несколько секунд, она кошкой отскочила в сторону и как-то особенно подобралась, приготовилась к новым неприятностям. Наверное, она не убегала только потому, что хотела выяснить все подробности произошедшего. Хотела разгадать, из-за чего взрослый мужчина в простой домашней одежде набросился на неё, как на злейшего врага.

Я поднял взгляд, до сих пор пытаюсь прийти в себя – от удара незнакомки вся левая сторона моего лица вдруг налилась свинцовой тяжестью – и невольно оцепенел. На меня смотрела Акане... Точнее, девушка, которая была очень по-

хожа на мою Акане, пусть и оказалась немного ниже, чуть тоньше сложена и попросту моложе...

Вопреки таящемуся в груди страху, я вынужден был признать, что передо мной стояла та самая тень из парка...

– Прощу меня извинить, – я торопливо поклонился незнакомке, пытаюсь изобразить на лице мину лёгкого смущения. – В случившемся была только моя вина...

– Ну, я тоже шла довольно быстро, – девушка подняла свой забавный розовый зонт, по моей вине оказавшийся на земле, и снова винтила мне в переносицу пыливый, молодой взгляд. – Но всё-таки... Вы преследовали кого-то? Возможно, стоит вызвать полицию?

– Нет, что вы, – я нелепо рассмеялся, пытаюсь придумать как можно более правдоподобную отговорку. – Просто я перепутал вас с... Ну, в общем перепутал...

Я замялся, не в силах найти верное определение своей галлюцинации.

– Вы выглядите нездорово, – она участливо подошла ближе. – Что-то произошло? Вы уверены, что в полиции нет необходимости?

– Нет, – отрезал я. – Всё равно полиция не поможет...

– Значит, ваши проблемы иного характера? Может, стоит вызвать «скорую»?

Я промолчал, окинув взором свой дом, и тут же заметил, что из щели в плотно прикрытых занавесках в меньшем окне залы на меня смотрела ставшая уже знакомой тёмная го-

стыя. Снова я не мог разглядеть её глаз, но одно осознание того, что эта девушка может прятаться где-то в моём доме, приводило в ужас.

– Я... Я перепутал вас с ней, – мой палец указал на небольшое решётчатое окно, но щель между занавесками уже затянулась, как будто бы её и не было.

– Наверное, вас мучают... Ну... Кошмары наяву? – незнакомка в свободном сером дождевике скептически посмотрела на мою дрожащую ладонь.

– Нет, но... Почему вы спрашиваете?

Она по-кошачьи лукаво улыбнулась, после чего с некоторой долей смущения произнесла:

– Так уж получилось, что я занимаюсь вопросами религии и мифологии... Ну, вы знаете, колдовство, магия, потусторонние силы, и если...

– Занимаетесь? – мрачно переспросил я, только сейчас ощутив, как отяжелела промокшая насквозь одежда.

Неудивительно, что девушка приняла меня за человека, имеющего проблемы... потустороннего характера. Я просто был не в себе...

– Это не то, о чём вы подумали! – она торопливо подошла на расстояние вытянутой руки и чуть прикрыла меня зонтом, после чего с видом лектора продолжила: – Большинство моих проектов для института посвящено различным оккультным областям... Я рассматриваю обряды удалённых поселений и изолированных областей, вычитываю о различных ми-

стических историях – и пытаюсь сопоставить их с реальной жизнью...

Из всех людей в Токио мне повезло столкнуться именно со студенткой, увлечённой призраками и магией. Со студенткой, которая тоже интересовалась религиозными обрядами удалённых поселений... Совсем как я когда-то.

Только интерес у нас был, наверное, слишком разный...

– И мне кажется, что в нашей обыденной жизни мы уделяем слишком мало внимания обратной стороне реальности... Понимаете меня?

– Да, да, конечно, – я несколько раз кивнул, пытаюсь уверить собеседницу в своей солидарности, хотя и слушал её только краем уха. – Как писатель, я могу понять что угодно, но...

– Писатель?!

– Но в то же время это не значит, что я должен верить во все эти сказки.

Действительно, писатели – это самые большие скептики из всех живущих, и в этом я прочно уверился как на собственном опыте, так и на опыте моих коллег по перу. Именно скептицизм пока ещё сдерживал меня в рамках ясного сознания и не давал повода воспринимать творящиеся кошмары как что-то реальное или даже просто необъяснимое.

– А вы не очень общительны, да? – она нахмурилась, точно маленькая девочка, но спустя миг её лицо поразительно изменилось, прояснилось даже. – Но... Подождите, разве вы

не Тсубаса-но-Сора?!

– Это псевдоним, – я холодно пресёк восторг девушки единственным взглядом. Нельзя было сказать, что узнавание было противно мне, но всё же здесь и сейчас, под моросящим дождём, по щиколотку в холодной чавкающей грязи, разговаривать об этом было как минимум глупо... Как и вообще обо всём, во что пыталась втянуть меня странная студентка.

– Значит, это вы написали «Легенду Легенд», «Философию Улья» и всю «Драконью Серию»?!

– Да, это мои произведения...

– Скажите, а как же «Серебряные Нити»?.. – она, могло показаться, испугалась собственного вопроса, поникла, смущённо потупилась.

– «Серебряные Нити»? – что-то внутри меня оборвалось. – Но... Я не собирался издавать этот текст... Его... Его даже нет в печати... И... Откуда вы знаете о нём?!

– Простите, я, наверное, просто слишком много болтаю! – она несколько раз поклонилась, зацепив мой лоб краем зонтика. – Значит, вы говорили, что нуждаетесь в помощи? Ну, по вашим делам...

– Я не нуждаюсь в помощи!

Все, все вокруг жаждали мне помочь! Рю, Юки, госпожа Мисато, а теперь и эта странная девушка... Как будто бы у них не было своих проблем, как будто бы во всём городе не находилось больше людей, подверженных галлюцинациям...

– Извините, господин Тсубаса-но... – она вдруг осеклась,

посмотрев на меня полными мольбы глазами.

– Кей. Кей Саюки, – почти против воли промолвил я.

– Ещё раз прошу меня извинить, господин Саюки...

– Как бы то ни было, это я набросился на вас, – я улыбнулся одними губами.

– Ничего страшного, иначе бы мы не познакомились...

Ведь всё вокруг нас подчинено воле Судьбы...

– До свидания, – я слишком явно спешил избавиться от неё, слишком резко и невежливо, но ей, кажется, не было до этого дела.

– До свидания, – её лёгкие кивок и прощальная улыбка заставили меня вспомнить личико Акане...

Я дошёл до двери в состоянии полусна, ничего не видя перед собой, и только у самого порога отважился всё же бросить последний взгляд на прикрытую морозным туманом улицу.

В прихожей было сыро и темно, хотя ленивый свет и проникал сюда из небольшого прямоугольного оконца, что располагалось у самого потолка. Обувь моя ещё со вчерашнего дня была разбросана вокруг невысокой деревянной вешалки, но я и сегодня не обратил на неё внимания. Меня беспокоил совсем другой вопрос, вопрос, от которого у меня начинало ныть под сердцем.

Откуда... Откуда неведомая девушка, любительница Судьбы с большой буквы и потусторонних сил, могла узнать

о «Серебряных Нитях»?!

Я, почти не различая дороги, прошёл в зал. Отовсюду на меня сразу же хлынул бессмысленный бледный свет. Дождь за окнами становился всё сильнее, и день уподобился позднему вечеру.

А потом я вдруг осознал что-то, что заставило меня в смятении отпрянуть к прихожей – шторы, все шторы на окнах первого этажа были распахнуты, хотя ещё какую-то минуту назад, когда я находился на улице, между ними была лишь тонкая щель толщиной в палец ребёнка. Возможно, над этим поработала неизвестная посетительница, каким-то образом проникающая в мой дом и намеренно изводящая меня... Кем бы она ни была – если была вообще.

Я одним прыжком преодолел прихожую и весом собственного тела смёл с пути прочную металлическую дверь, нервозно огляделся в поисках той самой странной девушки в тёмном дождевике. Обнаружив, я окликнул её, и та обернулась, как если бы не было между нами стен шумящего дождя и достаточно серьёзного расстояния, как если бы она просто знала, что рано или поздно я позову...

– Простите, что заставил вас вернуться, – я закрыл за ней дверь, смерив печальным взглядом выпавший из гнезда замок, и быстро сбросил с ног промокшие тапки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.